

Прибытие в Иерусалим – это вдох воздуха, в котором густо замешаны цветочные и пальмовые ароматы, это проникновенный голос гида: “Здравствуйте, православные, вот вы и на Святой земле!” Переносишься в новый для тебя, совершенно особый мир, которого ты не знал, но чувствовал, читая Евангелие. Вещественные принадлежности этого древнего, но всегда живого мира большей частью засыпаны, застроены, закрыты другими сооружениями. Но даже оставшийся уголок здания или каменной плиты времён первого века нашей эры излучает невидимую благодатную энергию. Идешь мимо многочисленных торговых лавок, и словно слышишь упрек Спасителя: “Что же вы, земные братья мои – такие слабые? Ведь и чудеса вам являл, и мёртвых воскрешал. Отчего так мало почитаете Бога своего? Отчего так мало у вас добрых дел во имя Веры?”

Кажется, шум от лавок такой же, как и две тысячи лет тому назад: торговая жизнь по своей сути мало изменилась. Все двадцать веков после явления нашего Спасителя улицы меняли свои очертания, чаще всего их заваливало камнями от разрушенных строений в результате многочисленных войн. По этой причине улицы “подрастали” вверх, а тем временем небольшой холм – место казни Иисуса Христа, – названный Голгофой (лобным местом), становился всё меньше, всё ниже, пока, наконец, его не закрыли своды храма. Это христиане разных стран по камешку, по отбитому осколку разбирали и увозили к себе домой память о Голгофе, чтобы сделать их предметами для поклонения. Христиане, задумав строительство храма на месте холма, стали продавать богатым паломникам камни Голгофы. Вес продаваемого камня полностью приравнялся к весу золота, который за него надо было заплатить. По сути, это была не покупка камня, а пожертвование на строительство храма Гроба Господня.

Живое, одухотворённое лицо гида Михаила Николаевича сразу заставляет вспомнить облик наших замечательных философов прошлого: Ильина и Бердяева... Святая Земля напитала его Святым Духом намоленных храмов и монастырей. Он ощутил руками прохладу камней многих монашеских пещер, часовен... Исходил все известные пути святых отцов и великомучеников, пил воду из тех же родников, изучал, записывал, рассказывал паломникам...

Михаил Николаевич уже давно житель Иерусалима, свободно говорит на иврите и на арабском языке. У него квартира на Масличной горе. А всё за Россию переживает как за свою настоящую родину. В маленьком дворе монастыря подсаживается ко мне, отдыхающему на скамейке среди цветов и диких растений.

– Как там, в России? – спрашивает он.

— Да как вам сказать? — вздыхаю я. — В основном, все пользуются тем, что даёт нефтяная и газовая труба и другие полезные ископаемые. Думаю, многие не верят в прочность того общества, которое создали, соблазнившись речами западных “искусителей”. Да с чего бы и верить! Бывший советский человек в немца-коммерсанта не переродился, к нему другой подход нужен! Его натура никак в рыночную бессовестность не вписывается, плохо ей там, душно, оттого и в делах от малых неурядиц вспышки гнева, ссоры и отчуждение! Все самые тонкие струны его души может задеть только православная вера, справедливая власть, впечатляющие планы созидания!

— М-м-да! — вздыхает Михаил Николаевич. — Но, по вашему ощущению, — спрашивает он, — что-то исконно-русское в нынешних русских осталось?

— Да, конечно! Наша духовная основа неистребима, но пока она словно в спящем состоянии. В последнее время духовный голод в соотечественниках постепенно пробуждается. Кто-то поставит хороший спектакль, кто-то издаёт умную книгу! И, глядишь, зрители и читатели вострепнулись! Верующих стало заметно больше. В храмах появилась молодёжь....

— Слава Богу! — вздохнул Михаил Николаевич.

Нас сопровождает игумен Георгий — москвич. Ему чуть больше сорока. Духовная академия, где он учился, дала ему не только знания. Его отличает истинная благочестивость духовного наставника. Многие паломницы нашей группы сразу потянулись к нему. Если игумен начинал петь псалмы или слова молитвы, они тут же дружно подхватывали хором. Выходило всё очень красиво и слаженно. Игумен хорошо понимал, какое значение имеет для женской души образ Богоматери, и часто подолгу останавливался возле икон, запечатлевших её образ, и долго рассказывал о Ней!

Отец Георгий поведал паломникам историю из своей жизни. Это было вначале двухтысячных годов. Его молодая соседка по дому в Москве долго не могла родить и уже отчаялась. Игумен посоветовал ей посетить святые места в Израиле, помолиться иконам Божьей Матери. Она согласилась, и он взял её в очередную паломническую поездку. Долго молилась соседка, но по возвращении домой её ждала не беременность, а беда. Известный теракт в московском метро. Она ехала в поезде вместе с мужем. Их достала взрывная волна. Раненые, в изорванной одежде, вдвоём они кое-как добрались по тоннелю метро до ближайшей станции.

После этого случая, обидевшись на весь мир и на веру, соседка перестала здороваться с отцом Георгием. Уже лет через пять, случайно встретив его, соседка долго извинялась. Потом сообщила, что ждёт рождения уже третьего ребёнка, и они с мужем счастливы. Перекрестил её отец Георгий, простил и просил всегда и во всём доверять Богу, и свято верить в торжество его милости в любой беде. Значит, так угодно было Богоматери и сыну ей Иисусу, чтобы прошла будущая мать через суровые испытания. Видимо, от пережитого стресса включилась в работу все функции её организма. . . Паломницы в туго завязанных платках и сереньких кофтах, склонив головы, слушают рассказ священника, молятся и целуют икону за иконой. Они-то понимают, какую ответственность возложил на них Господь. Всё зависит от женщин: счастье детей, семьи, моральное состояние общества!

Мы подъезжаем на автобусе к воротам ещё одного монастыря, который принадлежит Русской Православной Церкви. Монастырь находится в городе Иерихоне. Немногочисленные торговцы-арабы с любопытством глядят на нас. Древний Иерихон удивил малым количеством прохожих и непривычной тишиной. Огороженные камнями участки земли где-то заросли травой, где-то завалены мусором. Палестинцы не слишком стремились изменить древний облик оград и стен.

Обитатели монастыря привыкли жить бдительно и осторожно в замкнутом, не совсем дружелюбном арабском окружении. Гид стучит в калитку крепких железных ворот, а потом обращается к нам и разводит руками: “Не открывают! Ну, что ж, православные, — говорит он, — обратимся с молитвой, глядишь, и откроют”.

Он начинает читать нараспев: “Отче наш, Иже еси на Небесех...” Вся группа подхватывает, и хор голосов заполняет всю улицу, весь город, и эхо летит дальше, ввысь. Кажется, хор слышно и на горе Искушения, очертания которой вырисовываются на западе. Там, на вершине горы Христос постился и молился сорок дней.

Как только хор умолкает, калитка тихо открывается, и монах выпускает нас. Какая это чудная картинка православного мира! Группа паломников представляет собой церковную общину, а в ней мы, как одно тело Христово, мгновенно подхватываем слова молитвы, и нам откликаются собратья!

Всё в нас и вокруг нас осмысленно, одухотворено и торжественно: камни под ногами, древние стены среди пальм! А вот и смоковница, на которую забрался человек маленького роста по имени Закхей, чтобы взглянуть на Иисуса, “потому что Ему надлежало проходить мимо неё”, как говорится в Евангелии от Луки. Смоковница выглядит древней только внизу, ближе к корням, а ветви этого древнего дерева зеленеют вечной зеленью.

Я в Вере, я погружён в неё всем своим существом, и жизнь странным образом устраивается вокруг меня, как чуткая медсестра перед постелью больного: всё доставит, всегда поможет, а то и чудом одарит. Собрался я посмотреть то место, куда Дева Мария семь дней носила воду, чтобы крестить мальчика, будущего Иоанна Крестителя. Спускаюсь по крутой лестнице, а навстречу мне идёт монахиня Горненского монастыря. И несёт большую икону Богоматери неопишуемой красоты. Поравнявшись со мной, приближает ко мне икону, чтобы я прикоснулся губами. Но я так рад и так благодарен, что не просто прикасаюсь, а целую икону несколько раз.

— О, как вам повезло, — говорит монахиня.

А я и не удивляюсь, я уверен, что так и должно быть. Вот только бы знать, за что мне, грешнику, Божья милость. Может, даёт мне знак Мать Божья, что одобряет моё паломничество.

После яркого солнечного дня, белого песка, сияющего розоватого камня церковей и часовен нам предстоит ночная служба в храме Гроба Господня. Полная луна висит прямо над храмом. Мы с гидом ждём, когда соберётся вся группа паломников. Здесь я случайно вспоминаю о великом Гоголе, который был в Иерусалиме ровно за сто лет до моего рождения.

— Да, представьте, что в 1848 году Гоголь прибыл сюда из Бейрута в качестве паломника. — оживился гид. — Ещё в молодости в одном из писем он написал: “Грешу я, право, перед Богом: нужно, давно б нужно съездить поклониться святым местам. Когда-нибудь уже под старость совсем пора туда”!

Ах, как был прав Николай Васильевич! В 60 лет в этом убеждаешься совершенно! Иерусалим. Неземная теплота и излучение Духа Святого действует здесь непосредственно и глубоко. В мирской жизни душу свою трудно открыть до конца и постичь самому. А здесь, под сводами храма Гроба Господня душа открыта настежь: вся жизнь стоит перед ней, как прекрасная панорама, и всё в ней важно, всё значительно, всё ценимо Богом и дано не зря!

Высоко вверху, под сводами храма, соседнего с кувуклией, есть слуховое окно или ниша, куда хочется забраться и жить там, не считая дней и лет, никуда не двигаясь, слушая голоса греческих монахов, поющих псалмы...

На ночное бдение прибыли польские католики и в полночь включили запись органной музыки. Мелодия очень красивая, но громкая и заглушает голоса греческих священников, начинающих Божественную Литургию. Католики верны себе. Знают, что православные ничего не скажут и не возразят. Только не понимаю, зачем музыкой подменять живой человеческий голос? Тихий шепот искренней молитвы долетит до высоких сводов и больше расскажет о каждом верующем, чем кем-то сочинённая музыка.

В кувуклии — в этом маленьком помещении, куда каждый год на Пасху сходит благодатный огонь, — царит метафизическая тишина. В ней нет времени, нет смерти. Все эти явления имеют место быть только за её стенами и то мыслятся, как отрывки дурного сна... Вход в кувуклию — это возвращение домой, в окончательную точку пребывания своей души! Отсюда уже никуда не хочется перемещаться в поисках счастья! Всё теперь здесь, и ничего искать больше не надо!

После Причащения святых Таин мы долго находимся в необычном состоянии, описать которое ближе всего можно словом “блаженство”! В автобусе я снова оказываюсь рядом с гидом. Михаил Николаевич опять вспоминает Гоголя: “Я перечитал все его письма о путешествии в Иерусалим, — говорит он. — На своё паломничество Гоголь смотрел как на важнейшее событие своей жизни. Надеялся здесь найти духовную опору для своих писаний. И вот Гоголь проходит по местам земной жизни Спасителя, говеет и приобщается Святых Таин в этом Храме, а также молится за всю Россию, подобно своему

дальшому предшественнику, игумену Даниилу, первому русскому паломнику, который в начале XII века принёс к Святому Гробу лампаду “от всей земли Русской”. Гоголевское описание Литургии у Гроба Господня исполнено высокого воодушевления и тёплого чувства: “Все это было так чудно! Я не помню, молился ли я. Мне кажется, я только радовался тому, что поместился на месте, так удобном для моления и так располагающем молиться. Молиться же собственно я не успел. Так мне кажется. Литургия неслась, мне казалось, так быстро, что самые крылатые моления не в силах бы угнаться за нею...”

“Была одна минута... но как сметь предаваться какой бы то ни было минуте, испытывавши уже на деле, как близко от нас искуситель! Страшусь всего, видя ежеминутно, как хожу опасно. Блестит вдали какой-то луч спасенья: святое слово “любовь”. Мне кажется, как будто теперь становятся мне милее образы людей, чем когда-либо прежде, как будто я гораздо больше способен теперь любить, чем когда-либо прежде...” (из письма к Жуковскому из Бейрута от 6 апреля 1848 года).

Лучше не скажешь! Подобные чувства испытывал и я, простой паломник, во время всенощного бдения. Ноги мои после долгого стояния онемели, и пришлось сесть на стул, который я нашёл в углу за перегородкой между кувуклией и храмом Воскресения. Но примерно через час мимо меня сквозь толпу пронесли чашу причащения, и я поднялся и пошёл вслед за священником, не ощущая своего тела, не чувствуя ничего, кроме тихого восторга. С глотком вина и кусочком просфоры я принял в себя неведомое ранее умиротворение, не покидавшее меня все последующие дни пребывания в Иерусалиме. Во время проскомидии – поминания живых и мёртвых – все мои родные, ушедшие из жизни, представлялись мне незримо присутствующими в храме и слушающими молитвы. В эти редкие минуты между нами не было привычной глухой преграды материального мира!

А потом опять была поездка в горы. Пещера Иоанна Дамаскина. Грубое ложе из камня, высеченное в скале, рядом – углубление для того, чтобы поставить чашу с водой и свечу – вот и всё, что нужно было этому человеку для земной жизни в вере. Вспомнил я о явлении Богородицы в келье нашего русского святителя Серафима Саровского. По свидетельству монахини, которая была в это время рядом с отцом Серафимом, стены маленькой кельи при появлении Богородицы широко раздвинулись, и келья стала подобием храма. Не было ли здесь, в пещере Иоанна похожего явления? Скорее всего, что-то подобное испытал и святитель Дамаскин, мужественно прошедший все муки затворничества. Ещё вопрос: было ли это затворничество мукой, когда перед глазами исчез лёгкий флёр земного бытия и предстал перед святым отшельником мир неземной?! Может, жил он тогда одной душой и не замечал страданий... Как-то добывал хлеб и воду и не обращал внимания на остальное...

Кое-как пробрались мы сюда с паломником – грузным мужчиной, который стал от боли в ногах. Пробрались и встали в молчании. Как-то стыдно стало нам за себя в намоленной пещере Иоанна! Удостоился чести великий мученик – видел то, о чём нам, грешным, и подумать нельзя. А мы! Так плохо и бездумно жили, так худо и безалаберно живём, что наш удел – в темноте биться головой о низкий потолок прохода, спускаясь в пещеру. Никогда эти камни перед нами не раздвинутся и не превратятся в небесный храм. Мечтаем о райских куцах, а в земной жизни ничем для этого жертвовать не хотим. В пещере, слева от ложа есть маленький уголок, и в нём висит икона. Я целовал её и просил: “Прости меня, Иоанн, за маловерие! За то, что так нерадив в вере!”

Намоленный дух пещеры долго не отпускал от себя и напоминал о себе даже в ясный солнечный день на берегу Генисаретского озера, где мы бродили по кромке воды, трогали камни древнего причала с углублением для швартовых столбиков. В своей книге “Жизнь Иисуса” Э. Ренан справедливо заметил, что север Израиля создал христианство. Север дал миру Деву Марию, Марию Магдалину, доброго воспитателя Иосифа. Описать красоту Галилеи с её горами и Генисаретским озером вряд ли возможно даже приблизительно, для этого нужно перо гоголевской силы.

Нас, паломников, Христос привязал к себе так, что мы ощущаем этот цветущий край как свою родную землю. И к камню, на котором трапезничали и вели беседы рыбаки со своим Учителем, прикасаемся, как к порогу родного дома. Веру нельзя выдумать, веру нельзя превратить в занимательную

историю. И напрасно “рационалист”, а по сути – атеист Эрнест Ренан попробовал описать жизнь Иисуса как деятельность гениального, но земного человека-проповедника. Для нас, христиан, самое главное в том, что через Иисуса как Своего Сына с нами говорил Сам Господь, и мы должны следовать всему, что передал нам Бог-Отец и чему учил Его Сын! Только это даёт возможность перейти в совершенно новое духовное состояние, где возможны чудеса и откровения. Только там и возможны. Попытки всё это объяснить с точки зрения здравого смысла заведомо обречены на провал. Маловеры и атеисты не учитывают главного: самые невероятные чудеса и явления становятся реальностью только в душах, которых коснулся своим неземным теплом Дух Святой. В таком состоянии могут стать видимыми и демоны, и дьявол, и вся “закулисная” сторона земной жизни.

Галилею заливают моря цветов и самой разнообразной ярко зелёной растительности. Сейчас март – самое время цветения! Здесь ещё раз убеждаешься, что своеобразие природы накладывает на каждый народ свой неизгладимый отпечаток, определяет стиль его жизни, даже образ мыслей. Наиболее живые начинания в вопросах веры шли всегда отсюда, из Галилеи.

Иерусалим скуп на растительность, хотя жители и стараются украсить его цветами и пальмами. Там строгие правила иудаизма, чёрные одеяния верующих. По вечерам, когда мало автомобилей, становится совсем тихо. Во дворах – слабый свет, а мимо, негромко переговариваясь, горожане идут в одном направлении – в Синагогу. Да и разве может быть иначе в местности с каменистыми холмами, редким кустарником, где воды единственной речки Кедрона спрятаны под землю, в трубу!

Здесь, в Галилее, озеро и горы устроили для людей настоящий праздник! Пробуждаясь ото сна, каждый житель видит мир красочный, даже торжествующий! Ни на что не похожая красота его была бы невозможна без вмешательства Высших Небесных Сил. . .

. . . Ясно как день, что я снова приеду сюда! Буду долго ходить по берегу озера, снова помолюсь в каждой храме, в каждом монастыре, который мне удастся посетить.

Я весь переполнен благодатью! Батюшка, который благословлял меня на паломничество, это почувствовал, когда я пришёл к нему после возвращения домой! Он тоже радуется и молится: “Дай Бог, чтобы эта благодать сохранилась в тебе до конца жизни!”